

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смолянск, 830—831 годы

Санный путь утвердился в землях смолян к середине месяца студена. Ударили морозы, реки застыли, встал и сам Днепр. По льду потянулись торговые обозы. Длинный и нелегкий путь от Варяжского моря до Греческого пролегал через много разных земель, но во владениях смолянских князей находилась одна из самых важных его частей: переход с северных рек, то есть Волхова и Ловати, на притоки Дивны-реки и оттуда на Днепр, который и выводил уже непосредственно к Греческому морю. Такое местоположение давало смолянским князьям немалые выгоды: торговые гости платили им за проход по волокам, обменивались товарами. Торг оживился, появились новости — что делается в южных землях, что в северных.

Незадолго до зимнего солнцеворота, когда на княжьем дворе уже готовились к большим жертвенным пирам, к княгине Избране явился торговый гость по имени Достужа,

державший путь из Ладogi, — рослый и видный мужчина с опрятной бородкой, нарядно одетый и любящий себя показать. По обычаю княгиня принимала гостей в обчине святилища — всякий чужеземец приносил жертвы за свое благополучное прибытие, просил покровительства в чужой земле как у богов, так и у земной власти. Было прохладно — княгиня не любила дыма и огонь в очаге по утрам не разжигали, — но Достужа сразу, как вошел, распахнул шубу, чтобы показать рубаху из заморского сукна, зеленого, как дубовый лист, пестрый тканый пояс и толстый кошель, который сам по себе внушал уважение к владельцу.

— Клянюсь тебе, княгиня, пусть Велес и Макошь дадут тебе здоровья, достатка в доме и благополучия земле твоей! — начал торговый гость.

Он старался держаться с приличным почтением, но в глазах горело неудержимое любопытство; жадно разглядывая Избрану, он то и дело забывал, что хотел сказать. Шутка ли — женщина на княжеском столе! Такого он еще не встречал в своих странствиях и даже о подобном не слышал, а к тому же знал, что у отца Избраны, покойного князя Велебора, имелось двое взрослых сыновей. Но ни одного из них сейчас в Смоленске не было. Что касается старшего княжича, Зимобора, то о нем даже всезнающие и любящие поболтать торговые гости ничего определенного не ведали. Вече было почти готово назвать следующим смолянским князем именно его, но накануне похорон отца княжич Зимобор таинственным образом исчез, а на траве остались пятна крови — неизвестно чьей. Зимобор был всем хорош: и умен, и удал, и весел. Вот только родился он не от княгини, а от младшей Велеборовой жены, которая была дочерью простого оратая с какой-то лесной заимки и попалась князю на глаза во время полюдьи. Не то что княгиня Дубравка, мать Буяра и Избраны. Теперь считалось, что воля богов

освободила путь к княжьему столу для ее детей. Шепотом, убедившись, что никто из местных не слышит, ушлые торговые гости рассказывали друг другу, что саму-то княгиню Избрану молва и винит в исчезновении брата-соперника. Правда, доказательств никаких — никто ничего не видел, не слышал и не знает. От второго, младшего брата Буяра она избавилась мирным путем, отправив его воеводой в Оршанский городок на Днепре. Благодаря всем этим слухам посмотреть на смолянскую княгиню было особенно любопытно. К тому же Избрана молода и так хороша собой, что и не будь она княгиней, мало какой мужчина не застыл бы перед ней, будто Ярилин идол.

Все эти мысли были так ясно написаны на круглом румяном лице Достужи, что Избрана с трудом сдерживала улыбку. Но нет, ее улыбок этот щеголь еще не заслужил! Сохраняя внешнюю строгость, она принялась задавать вопросы. Больше всего княгине хотелось знать, что думают о ее правлении в других землях и не собирается ли какой-нибудь князь сюда с ратью, воображая, будто земля, где правит женщина, беззащитна! Но об этом спрашивать она, конечно, не могла, и беседа шла обычным порядком: откуда гость прибыл, какие товары привез, через какие земли проезжал, какие новости слышал.

А у торгового гостя и впрямь имелись новости, важные для княгини. На Каспле, в двух переходах от Смоленска, он подвергся нападению разбойничьей ватаги и лишился двух ладей с товаром, не считая одного убитого и двоих раненых! Все это произошло чуть ли не в виду городка Болотники, а тамошний воевода, ответственный за безопасность этого участка пути, похоже, сам в стоворе со злодеями! Иначе почему он до сих пор не выловил разбойников или хотя бы не посылает кметей провожать торговых гостей до следующего городка? Ведь именно для

этого еще дед Избраны, князь Годомысл, поставил на волоках городки и посадил дружину.

Еще в самом начале рассказа княгиня изменилась в лице, красивые брови сдвинулись, взгляд стал пристальным и гневным. В белой шубке на горностаях, с серебряными кольцами и браслетами на тонких белых руках, с длинной льняной косой и множеством серебряных височных колец на очелье, отделанном шелком, с яркими голубыми глазами, она сейчас напоминала молодую богиню Марену, владительницу зимних выюг.

— Найдите мне Красовита! — приказала она, едва уразумев суть Достужинога рассказа и связав в уме слова «Болотники» и «разбой». — Где он ходит, чтоб сей же час здесь был!

Двое отроков торопливо кинулись вон. Кмети на лавках вдоль стен стали придвигаться ближе. Дело было вполне понятное, но от этого не более приятное. В свое время дед и прадед Избраны немало воевали с местными родами, которые жили непосредственно на волоках, за право поставить там городки и взимать плату с проезжающих, но теперь на князьях лежала обязанность обеспечивать безопасность: во время прохождения волоков обозы были наиболее уязвимы и открыты для нападения, а разбойные ватаги размножились за последние неурожайные годы.

— В Засечье рассказал? — спросила Избрана у Достужи. — Блестан! — крикнула она десятнику, и тот неохотно подошел поближе. — Ты мне что говорил? Так-то твой брат за дорогами следит! Ты мне Сварогом и Перуном клялся, что если я его воеводой поставлю, ни одна мышь у него не забалует! А это что? — Она гневно взмахнула рукой в сторону Достужи. — Это, по-твоему, мыши? Где твои клятвы? Где твой брат, чем он там занят? С девками на павечерницах песни поет?

— Мой брат, княгиня, свое дело знает! — с обидой отозвался Блестан, не смея, однако, поднять на нее глаза. — Ты лучше Красовита спроси, он там последний был.

Вместо ответа княгиня сердито сжала губы. Блестан с независимым видом оглядывал свои рукава, словно боялся, что на них повисли несправедливые обвинения. Кметти посматривали то на княгиню, то на дверь, ожидая малоприятного объяснения.

Вошел Красовит, сын смолянского воеводы Секача, и, как всегда, показалось, что рослый и плечистый сотник непременно застрянет в низкой двери. У него было круглое скуластое лицо с широким, почти прямоугольным лбом и обильными пятнами рябинок на щеках. Темные волосы, карие глаза и густые черные брови указывали на то, что мать ему воевода отыскал среди хазарок или еще каких степнячек. С виду Красовит казался медлительным и простоватым, хотя на самом деле был неглуп, честолюбив и очень упрям. Когда отец его стал старшим воеводой, Красовит возглавил ближнюю дружину княгини, которую сам же и набрал. Избрана предпочла бы видеть на этом месте варяга Хедина, своего давнего и преданного слугу, но Хедин в прошлом был купленным ею челядином и не мог занимать такую почетную должность, а Секач помог ей добиться власти, и с ним приходилось расплачиваться. Избрана смирилась с тем, что две главные воеводские должности занимают люди, ей неприятные, хотя смирение далось нелегко. И хорошо еще, как намекала мать, что эти двое не требуют большего.

Или пока не требуют. Насколько Избрана знала Секача, он, уверившись в своей силе, не остановится на достигнутом. Как не прилично князю быть без княгини, так и княгине не пристало оставаться незамужней, и об этом постоянно шли толки, с того самого дня, как Избрана была объявлена наследницей своего отца. Муж дочери или вдовы